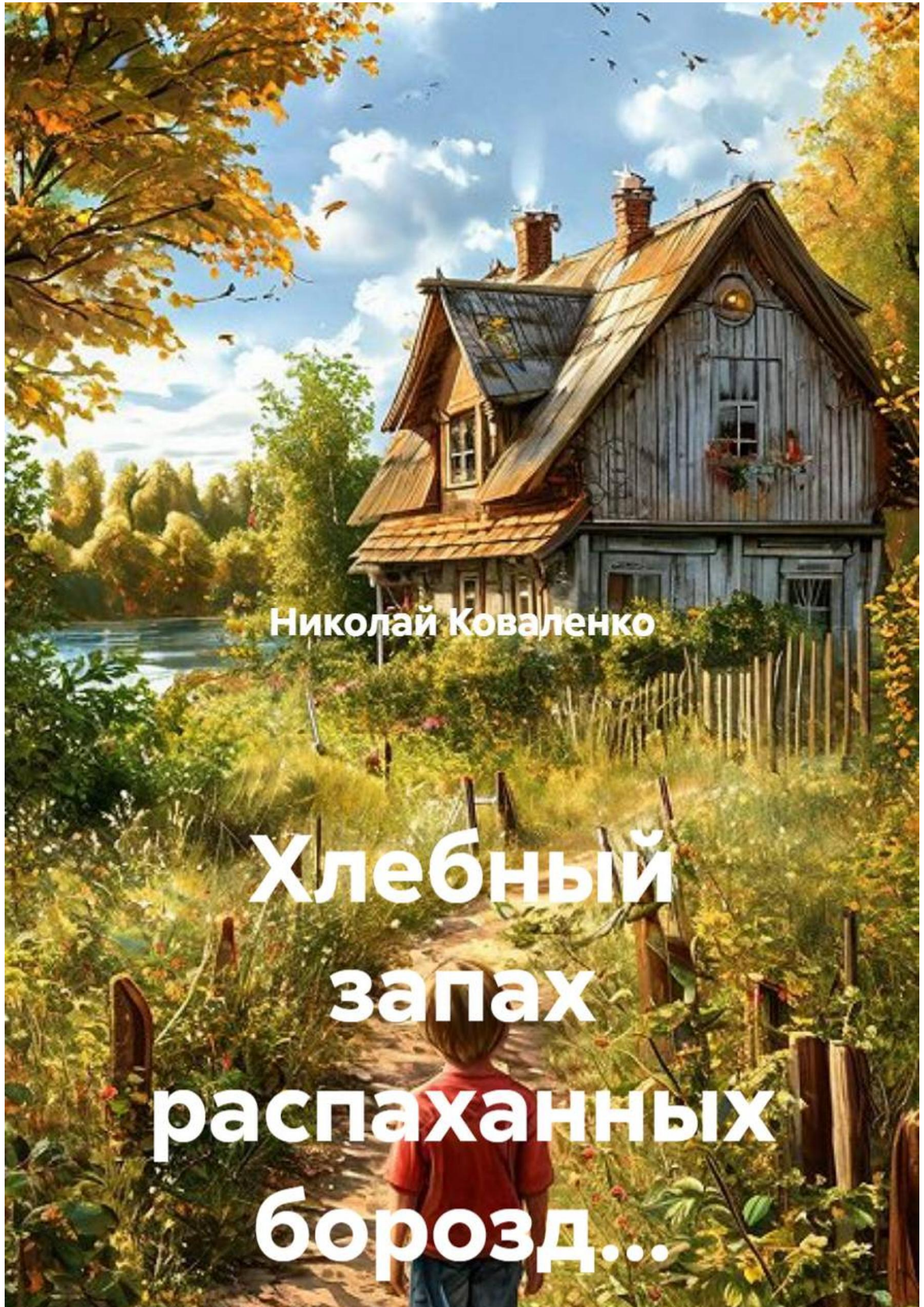

Николай Коваленко

**Хлебный
запах
распаханных
борозд...**

Николай Коваленко

**Хлебный запах
распаханных борозд...**

«Автор»

2026

Коваленко Н. Я.

Хлебный запах распаханых борозд... / Н. Я. Коваленко —
«Автор», 2026

Этот сборник — жизнь, рассказанная негромким голосом. От детских «классиков» до седой мудрости, от босоногого детства в херсонских полях до седой головы над старой фотографией — автор ведёт нас тропой памяти, где каждый поворот знаком и дорог. Эти стихи просты и искренни, как разговор с близким человеком. В них — родной дом и мама, выглядывающая в оконце, ясени, посаженные детскими руками, друзья, разлетевшиеся по свету, и не рвущаяся нить поколений. Нашлось место и доброй улыбке: басня про пьяного кота и ироничные строки о маленьком Руслане напоминают, что автор умеет не только растрогать, но и посмеяться. Два языка — русский и украинский — звучат здесь как два родника одной жизни. А главное, это книга о вечном: о любви к родной земле, о цене мира, о том, что «не порвать истории звено». Эти стихи писались не для славы — а чтобы не забыть. И чтобы помнили мы.

© Коваленко Н. Я., 2026

© Автор, 2026

Николай Коваленко

Хлебный запах распаханых борозд...

Предисловие от автора

Поэзия — это не просто рифмованные строки. Для меня она всегда была самым сокровенным и вместе с тем дерзким способом втиснуть в короткую форму те мысли и чувства, которые иному прозаику не под силу описать на сотнях страниц. В одном точно подобранном слове, в причудливом сочетании звуков вдруг раскрывается целая вселенная: будь то природное явление или тончайшая материя человеческой души. Но этот талант — щедрый дар свыше, ему невозможно обучить. Он рождается вместе с человеком, и задача лишь в том, чтобы раскрыть его.

Я же, к огромному моему сожалению, никогда не принадлежал к когорте избранных, кому предначертано быть властителем людских сердец и умов. Однако я всегда обладал священной способностью — читать и слушать стихи с великой страстью и благоговейным трепетом. Моими учителями и кумирами были Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Есенин, Маяковский и Тютчев, С.Островой и Доризо... Я зачитывался ими до дыр, учил наизусть, восхищаясь тем, как легко и проникновенно гении передают характеры, эпохи и живую боль природы. И однажды эта пламенная страсть к чтению переросла во внутреннюю, почти физическую необходимость — самому взять в руки перо. Мне захотелось выплеснуть на бумагу всё, что пережито, прочувствовано и что действительно просилось наружу.

Эти строки — моё искреннее и трепетное посвящение самым родным людям на этой земле: маме, братьям, жене, дочери, внуку. Я не ищу в них литературного совершенства. Я пытаюсь передать им, и каждому из вас, мою любовь, моё отношение к прожитым годам, к природе, раздумья о вечном и сиюминутном смысле нашего бытия.

Где же берёт начало мой путь? В далеких школьных годах. Тогда я, окрылённый, впервые попробовал сочинить стихотворение о приходе весны, о журчащих ручьях и крикливых скворцах. Та «проба пера» была наивна и быстро забылась, но именно тогда я понял, что искусство стихосложения — удел по-настоящему одарённых людей. Осознав это, я оставил мечты о поэтическом поприще и беззаветно посвятил себя науке и педагогике.

Особую, судьбоносную роль в моей жизни сыграла моя Тимирязевка. В далёком 1958 году, окончив десятилетку, я впервые прочёл это имя в газете «Сельская жизнь». Тогда я и подумать не мог, что ровно через десять лет — в 1968-м, отработав на производстве и отслужив три года в армии, я буду студентом её прославленного экономического факультета, а впоследствии — аспирантом, доцентом, профессором и заведующим кафедрой экономики сельского хозяйства. Именно здесь пролетели мои лучшие годы, здесь я обрёл себя.

Но внутренний зов, поэтическая тоска, не давала мне покоя. Сборник, который я держу в руках, сложен из самых разных стихотворений: от удавшихся и значимых для меня, до откровенно посредственных, от завершённых до тех, над которыми предстоит ещё долго трудиться. Это моё первое поэтическое творение, и до совершенства ему бесконечно далеко. Но если хоть одна строка, хоть одно слово затронет вашу душу, заставит на миг остановиться и иначе взглянуть на жизнь, я буду безмерно счастлив. Я не прошу строгой критики или долгих назиданий — просто примите их такими, какие они есть. Пусть они согреют вас в трудную минуту и подарят новый прилив сил, как когда-то согрели и меня.

С душевным теплом и уважением к вам,

Н. Коваленко

Тачанка

В степи под Каховкой,

Тачанка стоит,

Там кони в бетоне,

Взошли на гранит.

И рвутся в полет

закусив удила,

Так юность отцов наших

славно прошла...

Грозный топот копыт,

Над рекою летит,

Все сметает тачанка с пути.

Сколько выпало нам,

По военным годам,

Вместе с этой тачанкой пройти.

А теперь сквозь века,

Ты несешь паренька,

Что убит был в степи за рекой.
Благодарны мы ей,
И отчизне своей,
За счастливую жизнь и покой.
Пронеслось много дней,
Над землею моей,
Были трудные версты в пути.
Но забыть нам о них,
О тех днях боевых,
Не дают эти кони в степи.
Снова грохот копыт,
В сердце нашем стучит,
Это память минувшей войны.
И встает как живой,
Тот боец молодой,
Что погиб за свободу страны.
Наша память сильна,
Не нужна нам война,
Мы со всеми хотим мирно жить.
Но тачанка в броне,
На священной земле,
Как всегда наготове стоит.
Знает только гранит,
Где боец тот зарылся,

Где оставил последний свой взгляд.

Только птицы весной,

Возвратятся домой,

На гнездовье к тачанке летят.

1982 г.

Тельняшка

Видавшая виды тельняшка,

Пропахшая солью морской,

Уходит с душой нараспашку,

На мирный гражданский покой.

Подруги ее как и прежде,

Несут свою службу в морях,

Лишь только она безмятежно,

Висеть будет в новых шкафах.

И грустно ей быть не удела,

Забыть о друзьях и себе,

Ведь сердцем она прикипела,

К суровой матросской судьбе.

Состарится, тряпкою станет,

Вновь вспомнит морские дела,

И то, к чему сердце так тянет,

И тех, кому жизнь отдала.

Как часто мы наши тельняшки,

Не носим, бросаем и рвем,

Меняем на майки, рубашки,
И встречи мы с ними не ждем.
А им ведь так хочется снова,
Обнять наши плечи и грудь,
Они вместе с нами готовы,
В холодные волны нырнуть
И пусть же сегодня тельняшка,
Вновь вспомнит морские года,
Я верю, она как дворняжка,
Не будет скулить никогда.

1976, 2000 г.

К могиле братской подошел,
Седой как лунь старик,
Глазами мокрыми прочел,
Войны немой язык.
На сером камне имена,
Бессмертием горят,
А в карауле тополя,
Сменив солдат стоят.
На пьедестале как живой,
Солдат один стоит,

Он охраняет наш покой,
И людям говорит:
«За вас я пролил свою кровь,
А мог бы хлеб растить,
Но если надо встану вновь,
Чтоб мир вам сохранить.
Прошел с войной я сотни дней,
И видел много стран,
Хотел вернуться поскорей,
Но умер все ж от ран».
Неужто детям тех солдат,
Придется воевать,
Неужто прочный мир никак,
Нельзя нам отстоять.

1995 г.

Дети войны

Мы дети тех трудных военных годов,
Которым не ведома ласка отцов,
Кто вырос и жил средь развалин домов,
Кто горькую чашу испил до краев.
Нам холод и голод пришлось повидать,
И слезы, что рано состарили мать,
Разлуку друзей, похоронки листок,
И женщин, чей символ был темный платок.
Мы дети суровой и грозной поры,
Для нас полигонами были дворы,
Мы помним все то, что забыть нам нельзя,
Как в битве с врагом погибали друзья.
Нам некогда было учиться тогда,
Пришла в наши хаты чума и беда.
Отцов мы сменили в цехах и в строю,
И землю, как мать, охраняли свою.

За трудное счастье, что выпало нам,
Мы будем во век благодарны отцам.
И памяти этой всегда мы верны,
Мы дети великой советской страны.

1988 г.

Твои годы медленно уходят,
В сыновей своих и дочерей,
А они ведь время не находят,
Чтоб к тебе вернуться поскорей.
Вечерами ждешь ты у калитки,
Возвращения своих ребят,
Но они лишь шлют тебе открытки,
Сами же не едут, не летят.
Позабыли, видимо, дорожки,
В те края, где детство провели,
В стареньком саду твоём сторожку,
И деревья, что весной цвели.
Первые шаги по тротуару,
Первые слова в тиши ночной,
И рисунок мелом на бульваре,
Первое свиданье под луной.
Только ведь наступит это время,
Будут они сами ожидать,
Возвращения молодого племя,
Так как их ждала когда-то мать.

Мы редко твой дом навещаем,
Не часто встречаемся с тобой,
Но верим, и любим, и знаем,
Что ждешь сыновей ты домой.
Нелегкую жизнь прожила ты,
Тебя испытала война,
Домой не вернулись солдаты,
Осталась теперь ты одна.
И в пышные темные волосы,
Косички снежинки вплели,
Как - будто в распаханы борозды,
Январские выюги легли.
И в них как в воде отразились,
Прожитые годы и дни,
И жизни лучами пронзились,
Заботы земные твои.
Теперь седина мои волосы,

Молочной росой облила,
Но помню я, мама, твой голос,
Улыбку твою и дела.
И пусть все житейские грозы,
Тебя обойдут стороной,
Не прячь, мама, радости слезы,
Будь милой, желанной, родной.

1986 г.

Матери Сергея Есенина

«...Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.»

С. Есенин «Письмо матери».

Наклонилась березка у пруда
И стирает платочек в воде...
Я твой край никогда не забуду,
Буду помнить всегда и везде.
Нашу рощу покрытую золотом,
Журавлей клин в седой пелене,
Звон тяжелого в кузнице молота,
Силуэт твой в вечернем окне.
Старый домик с раскосыми окнами,
Рев буренки в хлеву по утру,
Да тропинку в лесу между соснами,
И тебя у плетня на ветру.
На заре пастуха зычный голос.
Бой старинных часов на стене,

Хлебный запах распаханых борозд,
И улыбку что даришь ты мне.
И размыту дождями дорогу,
На погосте крестов чехарда,
Все заботы твои и тревоги,
Пролегли на лице в два ряда.
Запорошены снегом остроги,
Санный след, что ведет на большак,
Да родимого дома пороги,
И домашний твой ветхий пиджак.
За Окою вдали косогоры,
Крик грачей на опушке в лесу,
И широки России просторы,
И твою словно в сказке красу.
Голубей на гумне за овинном,
Глухарей стон в сосновом бору,
Анну Снегину – сердцем невинную
Что тебе подошло б ко двору.
Запах сена душистого с мятою,
И молочный туман над рекой,
Да платочек твой старый с заплатою,
Образ твой как всегда молодой.
Лошадей на лугу на отаве,
В чаще филина вздох по ночам,
На ветру плач оторванных ставень,
И печаль в твоих синих очах.
На тебя я был в детстве похожий,
Шел с тобою косить в поле рожь,
И тебе ведь случайный прохожий,
Говорил: «- Как твой мальчик пригож».
Ты меня воспитала поэтом,
Что писал про стога и сирень,
Я к тебе возвращался лишь летом,
Коротать в Константиново день.
Мои кудри уже поредели,
Седина их коснулась слегка,

Знать над ними года пролетели,
Да твоя не ласкала рука.
Вновь вернуться мне в дом не пристало,
Посмотреть на рябину в огне,
Жизнь меня по Руси помотала,
Я тебя только вижу во сне.
Твои добрые нежные руки,
Серпантины морщинок у глаз,
Ты дороже мне стала в разлуке,
Без тебя мне так грустно подчас.

2002 г.

Друга детства я давно не видел,
Не встречался с ним я много лет,
И не знаю чем его обидел,
Коль не шлет как прежде мне привет.
А ведь было время друг без друга,
Не могли прожить мы даже дня,
В дождь и в зной, в мороз и выюгу,
Помнил я его, а он меня.
С ним мы говорили до рассвета,
О любви, о книгах и друзьях,
И мечтали о других планетах,
Спорили о жизненных путях.
В школу с ним ходили и не знали,
Что нас ждет разлука впереди,
И дорог простых не выбирали,
Видели туманы и дожди.
Но мужская дружба не подвластна,
Времени и прожитым годам.
Я за эту дружбу жизнь прекрасную,
Всю как есть, до капельки отдам.
Значит надо чаще нам встречаться,
Слать приветы, юность вспоминать.
Годы жизни очень быстро мчатся,
Их нам не вернуть больше назад.

1995 г.

Мое богатство – мои друзья,

Всегда они со мною,

Хоть в жизни каждый как и я,

Живут своей судьбою.

Я вместе с ними хлеб ращу,

Веду в полет ракеты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.